

*Н. Ю. Раевская**

КАК СДЕЛАТЬ МИР ПРЕКРАСНЫМ: ИУДЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСКУССТВЕ КАК СПОСОБЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИРА

Согласно иудейской мысли, Бог, сотворив универсум, намеренно оставил в нем пространство для совершенствования, возложив на человека задачу улучшения действительности. В иудаизме эта идея известна как Тиккун Олам, в переводе с иврита «исправление мира». Совершенствование, то есть движение человечества в заданном Богом направлении, осуществляется прежде всего благодаря скрупулезному и всеобщему исполнению воли Бога, изложенной в Торе в виде заповедей. Поскольку значительная часть этих установлений носит этический характер, доктрина Тиккун Олам изначально предполагала исправление несовершенных общественных отношений и движение к более справедливому и гармоничному общественному устройству. В наши дни все чаще звучит мысль о том, что искусство является одной из сфер человеческой деятельности, способствующих исправлению и освящению мира. В статье рассматриваются место и роль изобразительного искусства в концепции Тиккун Олам, а также, устанавливаемые иудаизмом рамки использования тех или иных его форм. Отмечается, что отношение к этому вопросу характеризуется большим диапазоном мнений. Представления варьируются от весьма сдержанных до восторженных суждений о значимости искусства для осуществления задачи «исправления мира». При этом иудейские авторы, утверждающие религиозную ценность художественного творчества, настаивают на том, что не всякая творческая активность соответствует идее позитивного изменения мира. Галахические принципы (в первую очередь запрет изображений Бога), а также нравственные установки и духовные ориентиры, формируемые религиозным сознанием, должны служить путеводной звездой для людей, занимающихся искусством.

* Раевская Наталья Юрьевна — канд. филос. наук, доц.; raev.spb@rambler.ru, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 194100, Литовская, д. 2.

Natalia Yu. Raevskaia — PhD in Philosophy, Associate Professor; raev.spb@rambler.ru, Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Russian Federation, S. Petersburg, 194100, Litovskaya, 2.

Ключевые слова: иудаизм; еврейское искусство; искусство и иудаизм; Тиккун Олам.

N. Yu. Raevskaia
HOW TO MAKE THE WORLD BEAUTIFUL:
JEWISH VIEWS ON ART AS WAY TO IMPROVE THE WORLD

According to Jewish thought, God intentionally left “space” in the universe for improvement, entrusting humans with the task of enhancing reality. In Judaism, this idea is known as Tikkun Olam, which translates from Hebrew as “repairing the world”. Improvement, or the movement of humanity in the direction set by God, is seen as achievable primarily through meticulous and universal fulfillment of God’s will as outlined in the Torah in the form of commandments. Since a significant portion of these directives are ethical in nature, the doctrine of Tikkun Olam initially assumes the rectification of imperfect social relationships and the movement towards a more just and harmonious societal structure. Nowadays, there is an increasing notion that art is one of the spheres of human activity that contributes to the repair and sanctification of the world. This article examines the place and role of visual art within the concept of Tikkun Olam, as well as the boundaries set by Judaism regarding the use of its various forms. It notes that attitudes toward this issue are characterized by a wide range of opinions: views vary from very restrained to enthusiastic judgments about the significance of art in achieving the goal of “repairing the world”. At the same time, Jewish authors who assert the religious value of artistic creativity insist that not all creative activity aligns with the idea of positive change in the world. Halakic principles (primarily the prohibition against images of God), as well as moral guidelines and spiritual orientations shaped by religious consciousness, should serve as guiding stars for those engaged in art.

Keywords: Jewish art; art and Judaism; Tikkun Olam.

Описание каждого дня творения в Торе заканчивается словами: «И увидел Бог, что это хорошо» (Берешит (Бытие) 1). Мир, сотворенный Богом в течение шести дней, был хорош, но был ли он совершенен? Согласно иудейской мысли, создание в последний день человека, способного действовать и изменять реальность, является доказательством, того, что мир, в который он был помещен, не был идеальным [24, с. 5]. Мидраш Берешит Рабба, комментирующий одноименную книгу Пятикнижия, повествует о том, как Всевышний принял решение сотворить человека по своему «образу и подобию», наделив его разумом и свободой выбора, хотя появление такого существа могло привести как к позитивным, так и к негативным последствиям. Он дал ему и возможность ошибаться, и возможность делать правильный выбор — подражать Его «атрибутам»: доброте, милосердию, справедливости; «посещать больных» и «утешать скорбящих». Человеку был дан шанс действовать, исправляя и улучшая мир, не обладающий совершенством (Мидраш Берешит Рабба 8.5). Подтверждение этой мысли может быть найдено и в самой книге Берешит: «...и не было человека, который обрабатывал бы землю» (Берешит (Бытие) 2:5). Если бы мир, сотворенный Богом, являлся идеальным и законченным, то человек, способный «возделывать» и преобразовывать его, был бы излишним. Но Бог изначально задумал человека именно таким. Мир, созданный в первые дни творения, был создан «для него», но не просто для того, чтобы он его использовал. В Талмуде сказано: «каждому человеку следует помнить, что для него и под его ответственность сотворен мир» (*Сангедрин* 37). Человек, будучи

по своей природе способным оказывать влияние на мир, не только может, но и обязан это делать и несет ответственность за его улучшение. Его миссия состоит не только в том, чтобы сохранять универсум, но и в том, чтобы его совершенствовать. Примечателен приводимый в Мидраше Танхума ответ рабби Акивы на вопрос, заданный ему правителем Иудеи — чьи дела прекраснее, Бога или человека? Рабби сказал: «Принеси мне пшеничные колосья и белый хлеб. Первое — дело Святого, благословен Он, а последнее — дело того, кто из плоти и крови. Разве последнее не прекраснее?» (Мидраш Танхума, «Тазрия» 5). Человек «вмешивается в дела Божии» и совершает эти действия не только для того, чтобы сохранить созданное Творцом, но и для того, чтобы улучшить.

Концепция, утверждающая необходимость совершенствования мира, созданного Богом, известна в иудаизме как Тиккун Олам (в переводе с иврита — исправление мира). Это словосочетание встречается уже в Талмуде в контексте необходимости совершенствования общественных отношений и защиты уязвимых членов общества: вдов, сирот, рабов. В частности, в трактате Гиттин можно обнаружить целый блок фрагментов, описывающих правила урегулирования спорных вопросов, исходя из требований социальной справедливости, каждый из которых заканчивается словами «мипней тикун ха-олам» (ради исправления мира) (Гиттин 4–5). В дальнейшем эта идея получила развитие в рамках каббалы, мистического учения, получившего распространение с XIII в. Здесь «исправление мира» приобрело космическое значение. Каббалистические источники утверждают, что изучение Торы, исполнение мицвот (заповедей) и нравственное совершенствование воздействуют на саму структуру мироздания. Соглашающиеся с волей Бога действия, производимые человеком на низших уровнях бытия, находят свой отклик в высших слоях реальности, что затем, в свою очередь, способствуют улучшению низших [21, с. 152]. Таким образом, с точки зрения каббалы, гармония и процветание физического мира зависят от усилий каждого человека. Мир становится лучше в первую очередь благодаря духовному совершенствованию каждого человека и выполнению им божьих заповедей. Новый этап осмысления концепции Тиккун Олам начался с середины XX в. Иудейские авторы стали развивать мысль о том, что переживший трагедию Холокоста еврейский народ, не только имеет право, но и обязан нести в мир идею исцеления мира, в котором существуют ненависть и несправедливость. Миссия еврейского народа состоит в том, чтобы своим примером показать возможность и необходимость исправления мира, который не был создан Богом абсолютно совершенным [9, с. 294–313]. Во второй половине прошлого столетия идея Тиккун Олам приобрела огромную популярность практически среди всех групп и течений в рамках иудаизма, вышла за его пределы и в наши дни является руководством к действию для многих нерелигиозных евреев и даже представителей других культур.

«Мы несем в мир Тору, когда стремимся выполнять самые высокие этические требования в наших отношениях с другими и со всем творением Бога. Партнеры Бога в Тиккун Олам, исправляя мир, мы призваны помочь приблизить мессианскую эру», — сказано в Декларации о принципах реформистского иудаизма, принятой в 1999 г. Документ провозглашает в качестве «центрального фокуса иудейской веры и практики» социальную справедливость, стремление

к миру, защиту биоразнообразия и природных ресурсов Земли. Эти действия должны служить «исполнению пророческого призыва претворить слова Торы в дела наших рук». Здесь же выражается готовность к диалогу и совместным действиям с людьми других вероисповеданий в надежде принести добро, свободу и справедливость в наш мир [5]. Реформистский, консервативный и реконструктивистский иудаизм рассматривают идею Тиккун Олам как основополагающую для своей практики и вероучения. Поддерживают идею совершенствования мира и большинство представителей ортодоксального иудаизма, тщательно оговаривая, однако, что действие совершаемое «ради исправления мира» не должно нарушать галахический запрет^{*}, а акт улучшения должен приносить очевидную пользу людям или, по крайней мере, некоторую пользу, с очевидностью превышающую причиненный ущерб [23, с. 15].

Способы исправления несовершенного мира с точки зрения иудаизма включают в себя прежде всего выполнение мицвот, отражающих волю Бога, изложенную в Торе, следование которым должно приближать мир к совершенству. Особый акцент делается на исполнении этических заповедей (неортодоксальные течения вообще аннулируют большую часть заповедей формального характера, не имеющих рационального обоснования), которое в идеале должно привести к исправлению общественных недостатков, сделать общество справедливым и гуманным. При этом в современном иудаизме Тиккун Олам часто подразумевает любые социально значимые, то есть совершенствующие жизнь человеческого общества, действия. В наши дни среди еврейских мыслителей и художников все чаще звучит мнение о том, что одним из способов исправления мира, осуществляющих божественную реальность внутри земной, является и такая сфера человеческой деятельности, как искусство (в том числе изобразительное искусство, настороженное отношение к которому долгое время считалось «визитной карточкой» иудаизма).

Нередко со стороны иудаизм воспринимается как крайне консервативная, не терпящая никаких новшеств религия, строго придерживающаяся «буквы закона», принятого в древности. Действительно, в рамках иудаизма существуют ультраортодоксальные группы, которые в своем отношении к изобразительному искусству руководствуются буквальным толкованием второй заповеди как запрещающей создание любых фигуративных изображений. При этом большая часть представителей современного иудаизма, в том числе ортодоксального, признает ценность изобразительного искусства. Этот вид человеческой деятельности рассматривается как обладающий не только социальной, но и религиозной значимостью в силу своего участия в процессе «исправления мира», то есть в выполнении миссии, возложенной на человека Богом.

Проблемы эстетики традиционно находилась на периферии иудейского дискурса. Долгое время обсуждение ценности красоты и искусства занимало ничтожно малое место в раввинистических источниках и трудах еврейских философов. Некоторый интерес (скорее негативный) к этой теме появился в XIX в. среди немецких еврейских интеллектуалов в рамках движения

* Галаха — свод законов, регулирующих религиозную, семейную и общественную жизнь иудеев.

«Wissenschaft des Judentums», ставившего своей целью «научное изучение» иудаизма. Подчеркивая этический, а не эстетический характер своей религии, эти мыслители говорили лишь о некотором (не слишком большом) значении поэзии (в форме «псалмов и пророческих импровизаций»), музыки (в форме пения и аккомпанемента) и полностью отрицали какую либо ценность визуального искусства для иудаизма в силу его слишком «чувственного» характера. Такие представления были результатом сведения реально существующих явлений к интеллектуальным и идеологическим схемам, существовавшим в головах исследователей, имели мало общего с действительностью и породили миф о евреях как народе без искусства, не нуждающемся в нем и не способном к нему [11, с. 15–35]. На деле в аутентичных иудейских источниках едва ли можно найти отрицание ценности эстетического опыта и искусства, в том числе изобразительного. Скорее имело место настороженное, в связи с опасностью идолопоклонства, восприятие изображений в древности, которое позднее сменилось сдержанно нейтральным отношением, связанным с отсутствием внутренней необходимости использования художественных средств в иудейской религиозной практике. Новый этап осмысления «взаимоотношений» иудаизма и искусства начался на рубеже XIX–XX вв. в связи с обсуждением в сионистских кругах возможных путей развития еврейской культуры в Эрец Исраэль. Известный еврейский философ Мартин Бубер, выступая в 1901 г. на V сионистском конгрессе, отмечал необходимость развития искусства не только как средства становления национального самосознания, но и как важного средства обогащения религиозного опыта [1, с. 11–13]. Художественное творчество по его мнению наполнено глубоким религиозным смыслом и представляет собой особый способ взаимодействия с трансцендентным, диалог с Богом, обогащающий, возвышающий и освящающий человека. Это диалог, в котором человек отвечает Богу, «создавая, думая, действуя» [2, с. 20]. Искусство важно для решения не только светских, но и религиозных задач, и с этой точки зрения должно быть поощряемо иудаизмом. Бубер отмечал, что вопреки расхожему мнению в еврейской культуре всегда существовало стремление к прекрасному. Свидетельством тому были и обширные отрывки из Танаха, детально описывающие декоративное убранство скинии и храма, и красота церемониальных предметов, которые веками создавались и использовались в иудейской традиции. Искусство не получило здесь такого широкого развития, как у других народов, в силу сложных исторических обстоятельств и специфических ограничений религиозного закона, но в современных обстоятельствах должно стать мощным средством возрождения культуры и развития религиозного сознания. Чуть позднее утверждение Мартина Бубера о небезразличном отношении иудеев к красоте и визуальным изображениям, существовавшем с древних времен, нашло свое подтверждение в археологических находках. В 20–30-х гг. XX столетия были открыты позднеантичные синагоги с мозаичными полами и настенными росписями, послужившие доказательством наличия древней изобразительной традиции в рамках иудаизма. С этого момента резко возрос интерес к теме еврейского искусства, стали появляться многочисленные работы, описывающие и интерпретирующие художественные артефакты и анализирующие литературные источники, свидетельствующие о широком использовании

изображений в иудейской среде с библейских времен до наших дней. В то же время на земле Израиля началась активная деятельность, направленная на развитие изобразительного искусства. В 1906 г. в Иерусалиме была открыта школа искусств «Бецалель», творчество представителей которой было тесно связано с еврейскими традициями и переплеталось с религиозными мотивами. Развитие изобразительного искусства в это время получило мощную поддержку со стороны рабби Авраама Ицхака Кука, выступавшего за интеграцию иудаизма в современную культуру. Утверждая необходимость такой интеграции, он указывал на то, что многие сферы деятельности, не имеющие, казалось бы, ничего общего с религией, тем не менее имеют важное религиозное значение. Любая созидательная деятельность, улучшающая мир, рассматривалась этим мыслителем как ответ на «призыв Бога», вдохновляющий человека исправлять и совершенствовать творение. «Позитивное творчество», в том числе искусство (руководствующееся определенными духовными ориентирами), представлялось способом осуществления божественного в повседневной реальности, возвышенного и прекрасного в мире, полном несовершенств.

«Эстетическое чувство должно быть развито достаточно хорошо, чтобы могла душа подпоясаться этим своим воображением и чувством Высшего прекрасного, чтобы, в свою очередь, достичь высокой ступени восприятия красоты Божественного. Современная литература и стремление расширить область эстетики, которая захватила поколение, несмотря на то, что все эти занятия склонны к вещам будничным, а порой и просто нечистым, тем не менее, это не что иное, как ступени развития и подготовки к восприятию Высшей чистоты, через которую Божественное проявится в мире» [3, с. 449–450].

Идея о религиозной значимости творчества во второй половине XX в. получила глубокое развитие в мысли рабби Соловейчика*, определявшего стремление к творчеству как «центральную идею галахического сознания», в которой раскрывается «значительность человека как партнера Всевышнего по Сотворению Мира». По его мнению, подробное описание сотворения мира, с которого начинается Тора, призвано не только познакомить человека с космологическим процессом, но и научить его «практической Галахе», помочь усвоить закон, установленный Всевышним, согласно которому обязанность человека — заниматься творчеством и совершенствовать мир. Быть партнером Творца в обновлении мира — одна из заповедей Бога, без выполнения которой невозможно достичь святости: «человек, который не творит и не производит нового, не может быть свят для Бога». Творчество, по мнению рабби, это «воплощение идеала святости», поскольку оно укоренено в святости Творца и следует его замыслам в отношении человека. Святость, осуществляемая в этом мире благодаря человеку, берет начало в Святом. Творчество инициируется Богом, дающим человеку возможность и желание создавать новое, развивая, и таким образом освящая самого себя и мир вокруг. Творчество при этом понимается в самом широком смысле — как активность, противостоящая пассивности, как совершенствование

* Рабби Йосеф Дов-Бер Соловейчик (1903–1993) — выдающийся иудейский мыслитель XX в., один из лидеров ортодоксального модернизма США.

любой из сфер человеческого сознания и человеческой жизни: от морали до искусства [22, с. 110–115].

В наши дни художественное творчество все чаще рассматривается иудейскими мыслителями и деятелями искусства в рамках доктрины Тиккун Олам, то есть как способствующее исправлению и улучшению мира. Искусство, призванное сделать мир более совершенным и прекрасным, предстает как путь осуществления трансцендентного внутри обыденного, как способ реализации высшей реальности внутри несовершенного человеческого бытия. В этом смысле показательна беседа, состоявшаяся между художником Яковом Агамом^{*} и рабби Бернардом Мандельбаумом^{**}. В ней религиозный лидер и художник демонстрируют абсолютное согласие относительно ценности и целей искусства, рассматривая его как одно из значимых проявлений «человеческого партнерства с Богом в продолжающемся творении» [6, с. 26]. Указывая на то, что важнейшей задачей, возложенной на человека Творцом, является совершенствование мира посредством творчества, рабби выражает не просто одобрение, но и восхищение теорией искусства, которую развивает и реализует в своем творчестве Яков Агам. Как отмечает художник, Всевышний дал человеку свободу творить и возложил на него обязанность заниматься творчеством. Это способность находиться в пределах его собственных возможностей выбирать между нейтральным, злым или благим действием, и не все то, что делает человек, одобряемо Богом, однако подлинное искусство всегда служит благим целям, делает мир прекраснее и соответствует божественным замыслам относительно мира и человека. Во-первых, произведения искусства, вызывающие эстетическое наслаждение, украшают человеческую жизнь, делая ее совершеннее. Уже одно это позволяет рассматривать искусство как способствующее Тиккун Олам. Во-вторых, искусство, как отмечает Агам, является мощным средством межличностной коммуникации, способным содействовать «исправлению мира». Создатель произведения искусства вкладывает в него свои чувства и мысли, передавая их множеству других людей посредством художественного образа. Это «послание» находит отклик в мыслях и чувствах воспринимающих, побуждает проживать эмоции, обдумывать смыслы, оценивать, делать выводы. Искусство — это диалог между двумя экзистенциями, бескорыстная коммуникация, образец подлинно человеческого отношения друг к другу и в этом смысле может рассматриваться как способ гармонизации и совершенствования мира.

«Искусство — это инструмент, который помогает сделать мир лучше. Это уникальный посредник в коммуникации между всеми людьми и группами и в его подлинном послании никогда не может быть использован для разделения людей, накопления власти, разрушения и войн» [6, с. 34].

В-третьих, художественное творчество — это средство раскрытия, обновления и осуществления личности человека-творца. Искусство, по словам

^{*} Яков Агам (урожденный Гипштейн, род. 1928) — современный израильский художник и скульптор, один из создателей направления кинетического искусства.

^{**} Бернад Мандельбаум (1922–2001) — религиозный и общественный деятель, раввин, один из наиболее влиятельных представителей Консервативного иудаизма в США.

Агама, — это «не просто то, что хорошо выглядит» (хотя декоративное искусство тоже имеет ценность), но это прежде всего путь развития личности того, кто занимается творчеством. Важно и то, что процесс восприятия произведения искусства зрителем (слушателем, читателем) зачастую превращается в сотворчество, поскольку побуждает воспринимающего к собственному осмыслению изображенного, обнаружению иных, изначально не заложенных смыслов, за рамками художественного образа, созданного творцом. Это требует внутренней работы, которая ведет человека к открытию нового в себе, движению, саморазвитию. Рабби Мандельбаум в связи с этим напоминает слова из талмудического трактата: «Сотворен был только один человек. Это должно служить указанием, что: тот, кто губит хотя одну человеческую душу, разрушает целый мир, и кто спасает одну душу, спасает целый мир» (Сангедрин 4:5). От усилий каждого зависит, будет ли мир спасен; от совершенства каждого зависит, будет ли мир совершенным. Значение имеет каждая личность: «индивидуальный человек, который способен выражать самого себя является величайшей силой для добра или зла в мире» [6, с. 58].

Мысли об освящающей силе красоты и искусства, способствующих улучшению и исправлению мира, можно обнаружить и в рассуждениях многих других современных художников, поддерживающих связь с иудейской традицией. Тоби Кан, американский художник и скульптор, указывает на то, что текст Торы, интерпретация которого играет важнейшую роль в иудаизме, содержит обширные отрывки, посвященные визуальным элементам переносного святилища в пустыне. «Пышное изображение изысканных деталей Скинии в тексте, отдающем предпочтение краткости, учит нас тому, насколько тесно красота и святость связаны друг с другом» [10, с. 8]. По его мнению, «значение красоты для святости» не только внутренне присуще, но и необходимо еврейской традиции. Красота, которую человек вносит в мир посредством творчества, прославляет Создателя, а искусство как средство утверждения красоты является работой «над исправлением несовершенства мира», порученной человеку Богом. Духовно раскрывая и возвышая отдельного человека, искусство совершенствует мир [10, с. 11]. Сходным образом рассуждает и Эран Эрлих, возглавляющий кафедру керамики и стекла Академии искусств и дизайна Бецалель в Иерусалиме. Он рассматривает доктрину Тиккун Олам в качестве основного ориентира человеческой деятельности, заданного иудейской традицией. Согласно этой идее, миссия каждого конкретного человека состоит в том, чтобы исправить и возвысить «расколотый мир» своим собственным уникальным способом. Хотя художественная деятельность не является явно религиозной, большинство художников и дизайнеров согласны с тем, что их работа действительно попадает в разряд действий, способствующих исправлению реальности, поскольку подлинное искусство рождается в стремлении создать что-то лучшее для мира. Движимые «искрой творчества», они не просто «создают безделушки, которыми можно наслаждаться из-за их эстетической ценности», а вносят свой вклад в исцеление мира [8].

В целом отношение иудаизма к искусству характеризуется большим диапазоном мнений. Представления о ценности искусства варьируются от весьма сдержанных до восторженных суждений о его религиозной значи-

мости, рассматривающих художественное творчество как способствующее осуществлению задачи «исправления мира», возложенной на человека Богом. В этом случае, безусловно, речь идет о том, что не всякая творческая активность может соответствовать идее позитивного изменения мира. Галахические принципы (в первую очередь запрет изображений Бога), а также нравственные установки и духовные ориентиры, формируемые религиозным сознанием, должны служить путеводной звездой для людей, занимающихся искусством. Обсуждая эту тему, иудейские авторы обращают внимание на то, что Тикун Олам, исправление мира, в случае искусства разворачивается на двух уровнях, внешнем и внутреннем, — на уровне совершенствования личности и на уровне позитивного воздействия на окружающий мир. Художественное творчество служит средством осуществления человеком божественного замысла о нем как существе, обладающем свободой выбора, волей, воображением, креативностью. В акте бескорыстного творчества, соответствующем подлинному искусству, человек раскрывает свою сущность, реализуя в себе божественные черты. В этом смысле искусство, являясь формой *imitatio Dei*, освящает и совершенствует человеческую личность и, развивая каждого, совершенствует мир в целом. Вместе с тем результаты художественной деятельности — объекты искусства — могут служить позитивному изменению мира, делая его прекраснее. Произведения, созданные художниками, поэтами, композиторами, не только вызывают эстетическое наслаждение и украшают мир, но транслируют идеи и чувства своих создателей зрителям, читателям, слушателям, их воспринимающим. Они подталкивают к размышлению и диалогу, служат предупреждением или призывом к действию, вдохновляют общество на новый путь. В наши дни все чаще звучит мнение о том, что иудаизм должен взаимодействовать с искусством, а искусство с иудаизмом. Такое взаимодействие может служить взаимному обогащению: религия способна задавать духовные ориентиры, в соответствии с которыми развивается искусство, а искусство способствовать раскрытию трансцендентного внутри обыденного, абсолютного внутри переходящего. Священное, согласно иудаизму, должно быть осуществлено внутри мирского. Слушая музыку или созерцая живописные полотна, можно получить «проблеск Бога» в этом мире. Искусство — это путь, которым в мир, полный изъянов, проникает Прекрасное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Еврейское искусство. Реферат, читанный на V сионистском конгрессе. Харьков: Улей, 1902.
2. Бубер М. Я и ты // Бубер М. Два образа веры. М: Республика, 1995. С. 15–93.
3. Кук А. И. Арфилай Тоар // Рав Авраам Ицхак Ха-Кохен Кук. Личность и учение. Москва-Иерусалим: Маханаим, 2006. С. 324–345.
4. Танах. Иерусалим: Масад рав Кук, 1978.
5. A Statement of Principles for Reform Judaism. Pittsburgh: Central Conference of American Rabbis, 1999. URL: <https://www.sefaria.org/worksheets/114358.1?lang=he&with=all&lang2=he> (дата обращения: 29.07.2024).

6. Art and Judaism: conversation between Yaacov Agam and Bernard Mandelbaum. N.Y.: B.L.D. Ltd. 1981.
7. Babylonian Talmud. URL: <http://www.halakhah.com> (дата обращения: 29.07.2024).
8. Ehrlich E. The Art of Tikkun Olam: Creating to heal the world. The Jerusalem Post. 2019; Apr 5. URL: <https://www.jpost.com/opinion/the-art-of-tikkun-olam-creating-to-heal-the-world-585801> (дата обращения: 29.07.2024).
9. Fackenheim E. *To Mend the World*. New York: Schocken, 1982.
10. Kahn T. The meaning of Beauty. Milin Havivin — Beloved Words // An Annual Devoted to Torah, Society and the Rabbinat. 7 (2013–2014). P. 8–15.
11. Kalman B. Artless Jew: medieval and modern affirmations and denials of the visual. Princeton: University Press, 2000.
12. Midrash Bereishit Rabba 8.5. URL: <https://www.sefaria.org/sheets/114637?lang=en> (дата обращения: 29.07.2024).
13. Midrash Tanchuma, Tazria URL: https://www.sefaria.org/Midrash_Tanchuma%2C_Tazria.5.1?lang=en&with=all&lang2=en. (дата обращения: 29.07.2024).
14. Art and Judaism: conversation between Yaacov Agam and Bernard Mandelbaum. N.Y.: B.L.D. Ltd, 1981.
15. Scholem G. *Kabbalah*. New York: The Jewish Publication Society of America, 1974.
16. Soloveichik J. B. Halakhic Man. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1984.
17. Steinberg A. Loike J. D. Human cloning: scientific, Ethical and Jewish Perspectives.// ASSIA: Journal of Jewish Medical Ethics and Halacha. 1998; 3. P. 11–16.
18. Steinsaltz A. Judaism and progress. An Essay on Bereishit in Steinsaltz A. Talks on the Parasha. Jerusalem: Koren Publishers, 2005.
19. Rosenthal G. Tikkun ha-Olam: the Metamorphosis of a Concept // Journal of Religion. 2005. 85 (2). P. 214–240.

REFERENCES

1. Buber M. (1902). *Evrejskoe iskusstvo. Referat, chitannyj na V sionistskom kongresse* [Jewish Art. The report read at the Fifth Zionist Congress]. Har'kov: Ulej. (In Russian).
2. Buber M. (1995). *Ja i ty* [I and You] // Buber M. Dva obraza very [Two Images of Faith]. M: Respublika. C. 15–93. (In Russian).
3. Kuk A. I. (2006). *Arfilej Toar* [Arfilei Toar]. V kn.: Rav Avraam Ichak Ha- Kohen Kuk. Lichnost' i uchenie [Personality and Teaching]. Moskva-Ierusalim: Mahanaim. S. 324–345. (In Russian).
4. *Tanah* [Tanakh] (1978). Ierusalim: Masad rav Kuk. (In Russian).
5. *A Statement of Principles for Reform Judaism*. Pittsburgh: Central Conference of American Rabbis (1999). URL: <https://www.sefaria.org/il/sheets/114358.1?lang=he&with=all&lang2=he> (accessed: 29.07.2024). (In English).
6. *Art and Judaism: conversation between Yaacov Agam and Bernard Mandelbaum*. (1981). N.Y.: B.L.D. Ltd. (In English).
7. *Babylonian Talmud*. URL: <http://www.halakhah.com> (accessed: 29.07.2024). (In English).
8. Ehrlich E. *The Art of Tikkun Olam: Creating to heal the world*. The Jerusalem Post. 2019; Apr 5. URL: <https://www.jpost.com/opinion/the-art-of-tikkun-olam-creating-to-heal-the-world-585801> (accessed: 29.07.2024). (In English).
9. Fackenheim E. (1982). *To Mend the World*. New York: Schocken. (In English).

10. Kahn T. *The meaning of Beauty. Milin Havivin — Beloved Words // An Annual Devoted to Torah, Society and the Rabbinat*. 7 (2013–2014). P. 8–15. (In English).
11. Kalman B. (2000). *Artless Jew: medieval and modern affirmations and denials of the visual*. Princeton: University Press. (In English).
12. *Midrash Bereishit Rabba* 8.5. URL: <https://www.sefaria.org/sheets/114637?lang=en> (accessed: 29.07.2024). (In English).
13. *Midrash Tanchuma, Tazria*. URL: https://www.sefaria.org/Midrash_Tanchuma%2C_Tazria.5.1?lang=en&with=all&lang2=en. (accessed: 29.07.2024). (In English).
14. *Art and Judaism: conversation between Yaacov Agam and Bernard Mandelbaum*. (1981). N.Y.: B.L.D. Ltd. (In English).
15. Scholem G. *Kabbalah*. New York: The Jewish Publication Society of America, 1974. (In English).
16. Soloveichik J. B. *Halakhic Man*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1984. (In English).
17. Steinberg A. Loike J. D. *Human cloning: scientific, Ethical and Jewish Perspectives // ASSIA: Journal of Jewish Medical Ethics and Halacha*. 1998; 3. P. 11–16. (In English).
18. Steinsaltz A. *Judaism and progress. An Essay on Bereishit in Steinsaltz A. Talks on the Parasha*. Jerusalem: Koren Publishers, 2005. (In English).
19. Rosenthal G. *Tikkun ha-Olam: the Metamorphosis of a Concept // Journal of Religion*. 2005. 85 (2). P. 214–240. (In English).